

Мой отец

Из всех разных видов работ, которые выполнял мой отец, ни одна не восхищала меня так сильно, как его мастерство работы с золотом, деликатные прикосновения. И, кроме того, эта работа всегда была своего рода праздником: это был настоящий праздник, который нарушал монотонность обычных рабочих дней.

Так и женщина в сопровождении посредника переступила порог мастерской, я сразу же вошел за ней. Я знал, чего она хочет: она принесла немного золота и хотела попросить моего отца превратить его в безделушку. Женщина собирала золото в кусках Сигуири, где она месяцами сидела над

рекой, промывая грязь и терпеливо вылавливая из нее золотые песчинки. Эти женщины никогда не приходили одни: им было хорошо известно, что у моего отца есть и другие дела, кроме как делать безделушки для всех и каждого! И даже если бы изготовление украшений было его основным занятием, они бы поняли, что не являются его первыми или единственными клиентами. И что их желания не могут быть немедленно удовлетворены.

Как правило, эти женщины заказывали безделушку для определенного состояния, либо для праздника Рамадан или Табаски, либо для какого-то другого семейного торжества, либо для танцевальной церемонии.

Тогда, чтобы повисить свои шансы быть обслуженными и тем легче убедить моего

отца прервать работу, которой он занимался, они прибегали к услугам официального исполнителя похвалы, посредника, и заранее договаривались с ним, какую плату они готовы заплатить за его добрые услуги.

С веранды, под которой я играл, я мог следить за мастерской напротив, а они, со своей стороны, могли следить за мной. Эта мастерская была главным зданием в нашем комплексе. Именно здесь обычно находился мой отец, руководил работой, сам ковал самые важные изделия или ремонтировал тонкие механизмы; здесь он принимал своих друзей и клиентов, так что с утра до ночи здесь стоял шум. Более того, каждый, кто входил или выходил из нашего комплекса, должен был пройти через мастерскую, так что там постоянно

кто-то входил и выходил, при этом никто никогда не спешил: каждый останавливался, чтобы перекинуться парой слов с моим отцом и несколько минут понаблюдать за работой.

Иногда я подходил к двери, но я редко входил, потому что там все меня пугали. И я убежал, как только кто-то пытался положить на меня руку. Лишь много позже у меня появилась привычка приседать в углу мастерской и смотреть на огонь, пылающий в кузнице.

В то время мои личные владения состояли из веранды, которая шла вокруг внешней стороны хижины моего отца. И апельсинового дерева, которое росло в центре комплекса.

Как только вы пересекали мастерскую и проходили через дверь сзади, вы видели апельсиновое дерево. Если сравнивать с гигантами наших родных лесов, то это дерево было не очень большим, но масса его блестящих листьев отбрасывала густую тень, которая служила прохладным укрытием от палящего солнца. Когда оно цвело, над всей округой витал пьянящий аромат, и мои маленькие друзья тоже охотно за ним ухаживали. Все они были приглашены подростками и набросились на еду с откровенным аппетитом молодых волков; но было слишком много, всегда слишком много, мы никогда не могли дойти до конца трапезы.

"Посмотрите, какой у меня круглый живот!"
Говорил я себе.

Да, наши маленькие животики были круглыми, и, сидя после этого у костра, торжественно переваривая пищу, мы легко могли бы заснуть, если бы у нас не было такого живого расположения духа. Но у нас были свои разговоры, как у наших старейшин; мы не виделись неделями, иногда месяцами, и нам нужно было столько всего рассказать друг другу, столько новых историй, и это было самое время для них!

Конечно, у каждого из нас были свои истории. Мы знали их множество, но всегда находились истории, которые мы слышали впервые. И именно их мы с большим удовольствием слушали, сидя у костра. И именно те, кто рассказывал эти истории, получали больше всего аплодисментов.

Так заканчивался мой первый день в деревне, если только кто-нибудь не принесет том-том, потому что это был особый случай. А в Тундикане не каждый вечер можно было услышать том-том.

Декабрь всегда заставлял меня в Тундикане. Декабрь – это наш сухой сезон, когда у нас хорошая погода и мы собираем урожай риса. Год за годом меня приглашали на этот сбор урожая, который всегда является поводом для больших торжеств и пиров, и я с нетерпением ждал, когда дядя придет за мной.

Вокруг меня поднялась страшная суматоха, мама кричала сильнее всех и дала мне несколько сильных пощечин. Я начал плакать, больше расстроенный внезапным шумом, чем полученными ударами. Чуть позже, когда я немного успокоился и

крики вокруг стихли, мама торжественно предупредила меня, чтобы я больше никогда не играл в такую игру; и я пообещал, хотя и не понимал, в чем тут опасность.

Хижина моего отца находилась рядом с мастерской, и я часто играл там под верандой, которая шла снаружи. Это была личная хижина моего отца. Она была построена, как и все наши хижины, из глины, которую толкли и превращали в кирпичи с помощью воды. Она была круглая, и гордо увинчена шлемом из соломы. В нее входил прямоугольный дверной проем. Внутри крошечное окошко пропускало тонкий луч дневного света. Справа стояла кровать, сделанная из битой земли, как и кирпичи, застеленная простым плетеным матом, на котором

лежала подушка, набитая капком. В задней части хижины, прямо под окном, куда попадал самый яркий свет, стояли ящики с инструментами. Слева лежали тубусы и молитвенные коврики. Наконец, у изголовья кровати, висящего над подушкой и наблюдавшего за моим отцом, стоял ряд горшочков, в которых содержались экстракты растений и коры деревьев. Все эти горшки имели металлические крышки, и они были обильно и интересно украшены чашами из оболочки каури. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что это были самые важные вещи в хижине. Они содержали магические обереги, те таинственные жидкости, которые держат злых духов в страхе и, намазывая их на тело, делают его неуязвимым от черной

магии, от всех видов черной магии. Мой отец, прежде чем лечь спать, никогда не забывал мазать свое тело небольшим количеством каждой жидкости, сначала одной, потом другой без всякой суеты.

Я приходил бегать и играть, забираться на наблюдательные пункты и бродить по длинной траве со стадами и отарами, и, естественно, я не мог сделать это без некоторого ущерба для моей драгоценной одежды.

В сумерках мой дядя Лансан возвращался с полей. Он здоровался со мной в своей собственной тихой манере, потому что был довольно робким и мало говорил. Работая один в поле целый день, привыкаешь молчать. Ты думаешь о всякой всячине, а потом начинаешь все сначала. Потому что мысли – это то, что ты никогда

не сможешь понять полностью: немая тайна вещей, как и почему предрасполагает вас к молчанию.

Достаточно вспомнить о таких вещах, чтобы осознать их непостижимую тайну, которая оставляет после себя определенный свет в глазах. Глаза моего дяди Лансана были необычайно пронзительными, когда он смотрел на меня. На самом деле он редко смотрел на меня, он обычно оставался в том внутреннем сне, который бесконечно овладевал им в полях.

Платформа наверху, Тед, держаться подальше от свежескошенных снопов кукурузы, которые складывали здесь. Чтобы использовать в следующем сезоне. Когда мы были все вместе за едой, я часто обращал свой взгляд на дядю, и, как

правило, через минуту две мне удавалось поймать его взгляд. За серьезностью его взгляда всегда скрывалась улыбка, потому что мой дядя был самой добротой, и он любил меня. Я действительно верю, что он любил меня так же сильно, как моя бабушка. Я отвечал на его нежно улыбающийся взгляд, и иногда, поскольку я всегда ел медленно, это заставляло меня забывать есть.

В этом любопытное знание. Теперь я понимал, как мой отец получил свою информацию. Когда я поднял глаза, то увидел, что отец смотрит на меня.

"Я сказал тебе все эти вещи, малыш, потому что ты мой сын, старший из моих сыновей. Потому что мне нечего скрывать от тебя. Существует определенная форма поведения, которую нужно соблюдать, и

определенные способы действий, чтобы руководящий дух нашего рода мог приблизиться и к тебе. Я, твой отец, соблюдал ту форму поведения, которая убеждает нашего духа проводника посетить нас. О, возможно, не сознательно. Но, тем не менее, это правда: если ты хочешь, чтобы дух проводник нашего рода однажды посетил тебя. Если ты хочешь унаследовать его в свою очередь, ты должен будешь вести себя таким же образом. С этого момента ты должен будешь все больше и больше находиться в моем обществе".

Он посмотрел на меня горящими глазами, затем внезапно вздохнул.

"Я боюсь, очень боюсь, малыш, что ты недостаточно часто бываешь в моей компании. Ты весь день в школе, и

однажды ты уйдешь из этой школы в высшую. Ты оставишь меня, малыш...".

И снова он вздохнул. Я видел, что на сердце у него было тяжело. Ураганная лампа, висевшая на веранде, бросала на его лицо резкие блики, и он вдруг показался мне стариком.

"Отец!" Плакал я.

"Сынок..." – прошептал он.

И я больше не был уверен, должен ли я продолжать посещать школу или оставаться в мастерской: Я упал в неопишваемое замешательство.

"Иди" – сказал мой отец.

"Я хочу..."

И часто случалось так, что женщина не знала, чего она хочет на самом деле,

потому что ее разрывало от желания. Потому что она хотела бы иметь много-много безделушек, все из того же небольшого количества золота. Но ей пришлось бы иметь гораздо больше, чем она принесла с собой, чтобы удовлетворить такое желание. И в конце концов ей пришлось довольствоваться более скромным желанием.

"Когда вы хотите его получить?" – спрашивал мой отец.

И она всегда хотела бы это сразу.

"Почему вы так торопитесь? Как, по-вашему, я найду время?"

"Это очень срочно, уверяю вас", – ответила женщина.

Так говорят все женщины, когда хотят украшение.

“Ну, я посмотрю, что можно сделать.

Теперь ты счастлива?”

Затем он брал глиняный горшок, который хранился специально для выплавки золота, и засыпал туда зерна. После этого он покрывал золото толченым древесным углем, который он получал, используя соки растений исключительной чистоты. И наконец, он помещал большой кусок того же вида древесного угля поверх всего этого.

Затем, увидев должным образом проделанную работу, женщина, уже вполне удовлетворенная, возвращалась к своим домашним делам. Оставив посредника продолжать петь похвалы, которые уже оказались для нее столь полезными.

Тим, скрестив ноги, держал мехи. По крайней мере, младший это делал, потому что старшему иногда разрешалось принимать участие в работе ремесленников. А младшему – в те дни это был Сидафа – оставалось только работать на мехи и наблюдать за процессом, ожидая своей очереди на менее примитивные задания. Целый час они оба работали рычагами и мехи, пока огонь в кузнице не разгорался, превращаясь в живое существо, живой и беспощадный дух.

Затем мой отец длинными клешнями поднимал горшок и ставил его на огонь. Сразу же вся работа в мастерской более или менее прекращается: на самом деле,

пока золото плавится и остывает, все работы с медью или алюминием должны быть прекращены, из опасения, что какая-то часть этих благородных металлов может попасть в золото. Только сталь можно продолжать обрабатывать в такое время. Но рабочие, у которых в руках была какая-то стальная работа, либо спешили закончить ее, либо открыто прекращали работу, чтобы присоединиться к другим ученикам, собравшимся вокруг кузницы. На самом деле, в такие моменты их часто было так много вокруг моего отца, что мне, самому маленькому, приходилось вставать и протискиваться среди них, чтобы не пропустить ни одной части работы.

Могло случиться так, что, чувствуя, что у него слишком мало места ,для работы,

мой отец заставлял своих учеников стоять далеко от него. Он просто поднимал руку в простом жесте: в этот момент он не произносил ни слова, и никто другой не произносил. Никому не разрешалось говорить, даже голос посредника уже не возвышался в песне. Тишину нарушало только пыхтение мехов и слабое шипение золота. Но если мой отец никогда не произносил настоящих слов в это время, я знаю, что он произносил их мысленно. Я видел это по его губам, которые продолжали работать, пока он склонялся над горшком и помешивал золото и древесный уголь кусочком дерева. Который постоянно вспыхивал, и поэтому его приходилось постоянно заменять свежей щепкой.

Что за слова складывались на устах моего отца? Я не знаю, наверняка не знаю, мне никогда не говорили, что это были за слова. Но чем еще они могли быть, если не магическими заклинаниями? Не были ли это духи огня и золота, огня и воздуха, воздуха, вдыхаемого через глиняные трубы, огня, рожденного из воздуха, золота, соединенного с огнем – не этих ли духов он вызывал? Не их ли помощь и дружбу он призывал в этом союзе элементарных вещей? Да, почти наверняка это были те духи, которых он призывал. Ибо они самые стихийные из всех духов, и их присутствие необходимо при плавлении золота.

Робота, которая происходила на моих глазах, была не просто плавкой золота. Это было нечто большее, чем магическая

операция, на которую духи проводники могли смотреть как благосклонно, так и неблагосклонно. И поэтому вокруг моего отца царила абсолютная тишина и тревожное ожидание. Я мог понять, хотя был еще ребенком, что нет ремесла выше, чем ремесло ювелира. Я был еще слишком мал, чтобы понять, почему это так затянулось. Тем не менее, я догадывался, видя почти религиозную сосредоточенность всех присутствующих, наблюдавших за процессом смешивания. Когда, наконец, золото начало плавиться, мне захотелось кричать, и, возможно, мы бы все кричали, когда мы это сделали. Я встал и пошел в хижину матери. Ночь была полна сверкающих звезд, неподалеку ухала сова. Ах, какой путь был для меня правильным? Знал ли я уже, где этот путь?

Моя растерянность была безгранична, как небо, увы, без звезд... Я вошел в хижину матери, которая в то время была и моей, и сразу же лег спать. Но сон не шел, и я беспокойно ворочался на кровати.

"Что с тобой?" – спрашивает мама.

"Ничего".

Нет, я не мог найти, что сказать.

"Почему ты не ложишься спать?" – продолжала мама.

"Я не знаю".

"Ложись спать!" – сказала она.

"Да" – сказал я.

"Спи... Ничто не может противостоять сну" – грустно сказала она.

Почему она тоже выглядела такой печальной? Неужели она догадалась о

моей беде? Все, что меня волновало, она чувствовала очень глубоко. Я пытался заснуть, но напрасно закрывал глаза и лежал неподвижно, образ отца под штормовым фонарем не покидал меня. Он вдруг показался таким старым. Он, который был таким молодым, таким активным, более молодым и более активным, чем любой из нас. Который в беге или скачках никогда не позволял никому себя обогнать, чьи конечности были быстрее, чем конечности всех наших молодых людей... "Отец!... Отец!.." Я повторял это. "Отец, что мне делать, как правильно поступить?" И я тихо плакал, и, плача, заснул.

Я был маленьким мальчиком, играющим вокруг хижины моего отца. Сколько мне тогда было лет? Я не могу точно

вспомнить. Наверное, я был еще совсем маленьким: лет пять, может быть, шесть. Моя мать была в мастерской вместе с отцом, и я слышал их знакомые голоса, сквозь шум наковальни и разговоры клиентов.

Вдруг я перестал играть, все мое внимание было приковано к змее, которая ползла вокруг хижины. Казалось, что она действительно "делает оборот" вокруг хижины. Через минуту я подошел к ней. Я взял в руку тростник, который лежал во дворе – он всегда там валялся. Их обычно отламывали от забора из плетеного тростника, который обозначал границу нашего участка, и сунул этот тростник в рот рептилии. Змея не пыталась убежать, она начинала получать удовольствие от нашей маленькой игры. Она медленно

заглатывала тростник, она пожирала его, как мне показалось, словно это была какая-то вкусная добыча. Ее глаза блестели от сладострастного блаженства, дюйм за дюймом ее голова приближалась к моей руке. Наконец тростник был почти полностью проглочен, и челюсти змеи были ужасно близко к моим пальцам.

Я смеялся, у меня не было ни малейшего страха, и теперь я знаю, что змея не стала бы долго колебаться, прежде чем вонзить свои клыки в мои пальцы. В этот момент из мастерской вышел Дамани, один из подмастерьев. Ученик крикнул моему отцу, и почти сразу я почувствовал, что меня подняли на ноги. Я был в безопасности в объятиях одного из друзей моего отца!

Восхвалитель располагался в мастерской, настраивал свою кору, нашу арфу, и

начинал петь дифирамбы моему отцу. Для меня это всегда было большим событием. Я слышал воспоминания о великих деяниях предков моего отца и имена этих предков с древнейших времен. По мере того как начитывались куплеты, я словно наблюдал за ростом большого генеалогического дерева. Которое раскинуло свои ветви далеко-далеко и расцвело своими сучьями и ветвями перед моим мысленным взором. Арфа играла аккомпанемент к этому огромному произнесению имен, расширяя его и подчеркивая нотами, то мягкими, то пронзительными. Откуда певец хвалы черпал информацию? Конечно, у него должна была развиться очень цепкая память, хранящая факты, переданные ему его предшественниками, ведь на этом

основаны все наши устные традиции. Приукрашивал ли он правду? Вполне вероятно, ведь лесть – это основной промысел певца похвал! Тем не менее, ему не было позволено слишком вольно обращаться с традицией, ведь в задачу певца похвал входит ее сохранение. Но в те дни мне в голову не приходили такие соображения, которые я бы высоко и гордо держал. Потому что я чувствовал себя пьяным от такого количества похвал, которые, казалось, отражали часть их сияния на моей собственной маленькой персоне.

Я видел, что тщеславие моего отца разгорается, и уже знал, что, выпив это молоко с медом, он благосклонно отнесется к просьбе женщины. Но я не был один в своем знании, женщина тоже

видела, как глаза моего отца блестели довольной гордостью. Она протягивала свои золотые крупинки, как будто все было решето. Мой отец, взяв свои весы и взвешивал золото.

"Какую безделушку вы хотите?" – спрашивал он.

Мой отец снова замолчал на мгновение, затем сказал:

"Вы сами видите, что я не более одарен, чем любой другой человек. У меня нет ничего, чего бы не было у других людей. И даже я имею меньше, чем другие, так как я отдаю все и даже отдал бы последнее, что есть, даже рубашку, та что на мне. Тем не менее, я более известен, чем другие люди, и мое имя у всех на языке. И именно я

имею власть над всеми кузнецами в пяти кантонах.

Если это так, то благодаря этой змее, которая является ведущим духом нашего рода. Именно этой змее я обязан всем, и именно она предупреждает меня обо всем, что должно произойти. Поэтому я никогда не удивляюсь, что проснувшись, вижу того или иного человека, ожидающего меня возле моей мастерской. Я уже знаю, что он там будет. Я также не удивляюсь, когда ломается тот или иной мотоцикл или велосипед, или когда случается авария с часами. Ведь я предвидел, что это произойдет. Все передается мне в течение ночи, вместе с учетом всей работы, которую мне придется выполнить. Так что с самого начала, не задумываясь, я знаю, как починить все, что мне принесут. И

именно благодаря этим вещам я прославился как ремесленник. Но всем этим, пусть оно никогда не забывается, я обязан змее, я обязан этому руководящему духу нашего рода".

Он замолчал. И тогда я понял, почему, когда мой отец возвращался с прогулки, он мог войти в мастерскую и сказать подмастерьям:

"Во время моего отсутствия здесь побывал тот или иной человек, он пришел из такого-то и такого-то места и принес с собой такое-то и такое-то произведение, оно было испорчен таким-то и таким-то образом и которуе нужно сделать".

В этом месте не было листвы, чтобы уменьшить его интенсивность. Прогретый солнцем с раннего утра балласт из

красного камня, был обжигающе горячим. Настолько горячим, что масло, вытекавшее из двигателей, тут же испарялось, не оставляя ни малейшего следа. Было ли это чрезмерное тепло или масло привлекло змей? Я не знаю.

Дело в том, что я часто встречал змей, ползающих по выжженному солнцем балласту. Неизбежно змеи заползали на территорию.

С того дня, как мне запретили играть со змеями, я бежал к маме, как только видел их.

"Там змея!" – кричала я.

"Что, еще одна?" – кричала мама.

И она прибежала посмотреть, что это за змея. Если это была просто змея, такая же, как все другие (на самом деле все они

были совершенно разными) – она сразу же забивала ее до смерти. И как все женщины нашей страны, она доводила себя до бешенства, избивая змею до полусмерти. Тогда как мужчинам довольно было одного сильного удара, нанесенного точно.

Однако однажды, я заметил маленькую черную змею с ярко выраженным корпусом, которая неторопливо ползла в направлении мастерской. Я, как обычно, побежал предупредить маму. Но как только мама увидела черную змею, она серьезно сказала мне:

"Сын мой, эту змею нельзя убивать: она не такая, как другие змеи, и не причинит тебе вреда. Ты никогда не должен мешать ей".

Все в нашем дворе знали, что эту змею нельзя убивать, кроме меня и полагаю, моих маленьких товарищей по играм, которые были еще совсем несмышлеными детьми.

"Эта змея", – добавила моя мама, – "Дух путеводитель твоего отца".

Я ошеломленно смотрел на маленькую змею. Она спокойно направлялась к мастерской. Она двигалась грациозно, очень уверенно в себе и почти как будто сознающая свою неприкосновенность. Ее тело, черное и блестящее, сверкало в резком свете солнца. Когда она подползла к мастерской, я впервые заметил, вырезанное на уровне с землей небольшое отверстие в стене. Змея исчезла через это отверстие.

"Смотри", – сказала моя мама, – "змея собирается нанести визит твоему отцу".

Хотя я был знаком со сверхъестественными вещами, это зрелище настолько поразило меня, что я остолбенел. Какое дело у змеи может быть к моему отцу? И почему именно эта змея? Никто не должен был ее убивать, ведь она была путеводным духом моего отца! Во всяком случае, именно такое объяснение дала мне мама. Но что такое "путеводный дух"? Что это были за духи проводники, которых я встречал почти повсюду, запрещающие одно и приказывающие делать другое? Я никак не мог понять этого, хотя их присутствие окружало меня по мере того, как я становился взрослым. Были добрые духи, а были злые. И, как

мне казалось, злых было больше, чем добрых.

Откуда мне было знать, что эта змея безобидна? Она выглядела так же, как и любая другая змея. Конечно, это была черная змея, и, конечно, в ней было что-то необычное. Но, в конце концов, это была всего лишь змея! Я был совершенно обескуражен, но не стал спрашивать об этом маму. Я понял, что мне придется спросить об этом самого отца, как будто, эта тайна была чем-то, в чем женщины не могли участвовать. Это было таинственное дело, которое можно было обсуждать только со мной.

Я решил дождаться ночи, чтобы проскользнул через маленькое отверстие в стене. Как бы извещенный о его присутствии, мой отец в тот же миг

переводил взгляд на отверстие и улыбался. Змея направилась прямо к нему, раскрыв челюсти. Когда она была в пределах досягаемости, отец гладил ее рукой, и змея принимала ласку, дрожа всем телом. Я никогда не видел, чтобы маленькая змея пыталась причинить хоть малейший вред моему отцу. Эта ласка и ответная дрожь, но я должен сказать, эта притягательная ласка и ответная дрожь, каждый раз повергали меня в невыразимое смятение. Я представлял себе, не знаю, какой таинственный разговор... Рука спрашивала, а дрожь отвечала...

Да, это было похоже на разговор. Может быть, я тоже смогу поговорить так однажды? Но, я еще учился в школе. Да, я бы очень хотел положить свою руку, свою собственную руку, на змею, понять и

услышать этот трепет тоже. Но не знал, как змея приняла бы мою руку. Я чувствовал, что ей нечего мне сказать. Я боялся, что ей всегда нечего будет мне сказать.

Когда отец чувствовал, что достаточно погладил змею, он оставлял ее в покое. Тогда змея сворачивалась калачиком под краем одной из овчин, на которой сидел отец, лицом к наковальне.

"Как она дала о себе знать?" – спросил я.

"Прежде всего, она дала о себе знать в подобии сна. Она несколько раз являлась мне во сне, и сказала мне день, в который явится мне наяву, она назвал мне точное время и место. Но когда я впервые увидел ее наяву, меня охватил страх. Я принял ее за змею, как обычную змею, и мне

пришлось держать себя в руках, чтобы не попытаться убить ее.

Когда она увидела, что я не принимаю ее любезно, она отвернулась и уползла той дорогой, которой приползла. А я стоял и смотрел, как она уползает, и все время думал, не убить ли мне ее тогда там. Но сила, более могущественнее меня, остановила мою руку и не позволила мне преследовать ее. Я стоял и смотрел, как она исчезает. И даже тогда, в тот самый момент, я легко мог бы догнать ее.

Нескольких быстрых шагов было бы достаточно, но меня охватил какой-то паралич. Такова была моя первая встреча с маленькой черной змеей".

Он помолчал мгновение, затем продолжил:

"Следующей ночью я снова увидел змею во сне".

"Я пришла, как предсказывала", – сказала она, – "но ты намеривался принять меня недоброжелательно, я прочла это в твоих глазах. Почему же ты отвергаешь меня? Вот я – путеводный дух твоего рода, и именно как путеводный дух твоего рода я сообщаю тебе, как достойнейшему. Поэтому не смотри со страхом на меня и берегись, чтобы не отвергнуть меня, ибо я приношу тебе удачу".

После этого я принял змею ласково, когда она явилась мне во второй раз. Я принял ее без страха, принял ее с добротой, и она не принесла мне ничего, кроме добра".

Сразу после вечерней трапезы, когда все разговоры закончились, отец попрощался

с друзьями и пошел посидеть под верандой своей хижины. Я подошел и сел рядом с ним. Я начал расспрашивать его окольными путями, как это делают все дети, и на все темы под солнцем.

Наконец, не в силах больше сдерживать себя, я спросил:

"Отец, что это за маленькая змейка, которая приходит к тебе в гости?".

"Какую змею ты имеешь в виду?"

"Маленькая черная змея, которую мама запрещает нам убивать".

"Ах!" – сказал он.

Он долго смотрел на меня. Казалось, он раздумывал, отвечать или нет. Возможно, он думал о том, сколько мне лет, возможно, размышлял, не слишком ли

рано открывать такой секрет двенадцатилетнему мальчику.

И вдруг он решился.

"Эта змея", – сказал он, – "путеводный дух нашего рода. Ты можешь это понять?"

"Да", – ответил я, хотя понимал не очень хорошо.

"Эта змея", – продолжал он, – "всегда была с нами. Она всегда давала о себе знать одному из нас. В наше время она дала о себе знать именно мне".

"Это правда", – сказал я.

И я сказал это от всего сердца, потому что мне казалось очевидным, что змея не могла дать о себе знать никому, кроме моего отца. Разве мой отец не был главным человеком в нашем поселке? Разве не мой отец имел власть над всеми

кузнецами в нашей округе? Разве не он
был самым опытным?